

фронте официально ввели телесные наказания. За «самострель» полагалась *смертная казнь*. Деникин пытается оправдать жестокие дисциплинарные меры несознательностью рядовых, а смертную казнь — неэффективностью других методов борьбы с дезертирством: страх погибнуть в бою должен быть меньше страха перед расстрельной командой. Ясно было одно: если солдатские массы потеряли веру в своих командиров, то возвращать эту веру с помощью телесных наказаний и расстрелов — только подливать масла в огонь. Это питает пламя мести, горечи, взаимной ненависти и ведет к беспощадному уничтожению офицеров солдатами. Абсурдно говорить о «зловредной пропаганде элементов, чуждых армии», если лучше всего солдат агитирует поведение их командиров. Кто сеет ветер, пожинает бурю.

Глава 10

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Мы оставили Временное правительство в тот момент, когда его председатель князь Львов объявил состав своего кабинета, а способный царский министр Кривошеин с мрачным недоумением объявил его слишком правым, а потому опасным не только для чуждой ему революции, но и для любимого отечества.

В самом деле, этот кабинет был явным анахронизмом. Еще 13 августа 1915 г. в газете лидера прогрессивных промышленников Рябушинского был опубликован состав предполагаемого «правительства обороны» со знакомыми фигурами будущего Временного правительства: Милюковым, Гучковым, Шингаревым, Некрасовым, Коноваловым, В.Н. Львовым, Ефремовым и будущим русским послом в Париже В.М. Маклаковым. В этот кабинет должны были войти царские бюрократы, приемлемые для общественного мнения: Кривошеин как министр земледелия, генерал Поливанов как военный министр и граф Игнатев как министр народного просвещения. Поскольку такое правительство нуждалось в председателе, который бы связывал «лидеров общественности» с официальными властями, вместо

князя Львова его должен был возглавить Родзянко. Как мы видим, изменения оказались незначительными. Три бюрократа освободили место для «заложника революционной демократии» Керенского. Маклаков уступил Керенскому пост министра юстиции; Шингарев сменил пост министра финансов на пост министра земледелия, передав портфель министра финансов Терещенко, который внезапно стал видной личностью. Министром народного просвещения был назначен кадет, профессор Мануйлов, а Гучков предпочел портфель военного и морского министра посту министра внутренних дел. Этот последний забрал князь Львов, одновременно ставший премьер-министром. В Родзянко, который должен был связывать правительство с двором и официальными кругами, больше не было необходимости. Вот и все.

В этом перечне обращают на себя внимание три фамилии: Милюков, Керенский и Львов.

П.Н. Милюков был истинным вдохновителем «прогрессивного блока» Государственной думы и создателем стратегии кадетской партии.

Человек многосторонне образованный, видный ученый в своей области, одаренный гибким умом, уравновешенный и спокойный, скорее аналитик, чем апостол идеи, Милюков тем не менее любил политику, стремился к власти и обладал дисциплиной закаленного профессионального борца. Кроме того, у Милюкова было качество, особенно необходимое политическому вождю: он не приходил в отчаяние от неудач, относился к ним философски, как настоящий спортсмен, делал из них выводы, верил в возможность реванша и готовился к нему. Он имел много качеств, необходимых видному политическому деятелю, за исключением одного-двух. Его главным недостатком было полное неумение чувствовать психологию масс. Милюков был кабинетным ученым, то есть доктринером. Эта сторона его натуры умерялась долгим опытом парламентской борьбы, привычкой легко ориентироваться в перипетиях парламентских комбинаций, искусством закулисных манипуляций меняющимися настроениями и тенденциями думского полукруга, этого странного мирка, который в России, как нигде, был изолирован и защищен от влияния улицы. Он никогда не говорил язы-

ком рабочей, крестьянской и солдатской толпы. Для Милюкова народ был огромной и чуждой силой, «безликим субъектом деятельности» настоящих лидеров, которыми он считал министров и законодателей. Типичный парламентарий, он был прекрасным посредником между соперничавшими партиями, автором компромиссов, гибких формул, которые снимали противоречия, сглаживал острые углы, шел на словесные уступки, не мешавшие ему проводить в жизнь собственную программу. Он был очень осторожен, прекрасно умел выбирать время для того или иного действия, терпеливо ждал благоприятной ситуации, экономил силы и не тратил их на то, чтобы плыть против течения. Будучи в глубине души доктринером, он сделал догмой искусство лавирования, фланговые атаки и следование линии наименьшего сопротивления. Как политик, он был рожден для спокойных, нормальных времен, когда жизнь следует по протоптаным тропам, а не по целине, когда не полыхают народные страсти, когда ситуация не меняется на каждом шагу и когда мощные подземные толчки не разрушают самые величественные здания как карточные домики.

Керенский, главный оппонент Милюкова во Временном правительстве, был человеком совершенно другого типа — от природы энергичным, импульсивным, впечатлительным, спокойным и ищущим. Оба были честолюбивы, как и положено политикам. Но в отличие от холодного и расчетливого Милюкова, заранее знавшего, чего он хочет, и заранее выбравшего путь к цели, Керенский обладал воображением, а его воображение было капризным. Милюков жил разумом, а Керенский — интуицией, наполняя свои паруса ветром собственной беспокойной фантазии и плывя куда придется. Его речи были экстравагантными, патетическими и напыщенными, иногда припадочными. Политический пульс Милюкова был замедленным, пульс Керенского — лихорадочным. Последний был неврастеником и временами впадал в настоящую истерику. Вожди толпы должны быть плотью от ее плоти, заражаться ее духом и заражать других непреодолимой силой своей страсти. Такие вожди часто рождены для сцены и сознательно или бессознательно ищут путь к сердцам публики в театральных словах и жестах. В Керенском действительно

было много актерского: он выражал свою скрытую духовную сущность в артистической форме.

В Милюкове все было устойчиво, упорядочено, систематизировано. В Керенском все было нелогично, противоречиво, изменчиво, часто капризно, надуманно или фальшиво. На большинство людей, с которыми ему приходилось иметь дело, Милюков смотрел сверху вниз, но эта повышенная самооценка была такой глубокой, что никогда не проявлялась на поверхности, никогда не оскорбляла чей-то глаз или слух. Керенского мучила жажда самоутверждения, а потому он всегда либо выигрывал, либо проигрывал борьбу с собой. Для победы ему требовалось беспрекословное повиновение окружающих и острая, резкая демонстрация своего превосходства тому, кто смел соперничать с ним, сомневаться в нем или оставаться равнодушным. Милюков умел видеть себя со стороны, но для Керенского существовало только свое «я». Милюкова вдохновляли сложные пересечения собственной политической траектории с траекториями других политических светил, которые противостояли ему или следовали за ним. Керенскому требовались покорные «попугачики», суесящиеся вокруг, которых он мог бы использовать как угодно и срывать на них зло в моменты плохого настроения. Ему было трудно выносить присутствие значительных и независимых людей, он чувствовал себя непринужденно только с ничтожествами. Но зато он обладал поразительной силой внушения, неистощимой энергией и открытостью. В свои звездные моменты он мог передать толпе собственное «духовное электричество», мог заставить ее смеяться и плакать, становиться на колени и воспарять к небесам, проклинать и жалеть, любить и ненавидеть до самозабвения, потому что в эти минуты он тоже забывал себя. Милюков был бесконечно умнее Керенского, но неизмеримо уступал ему в импульсивности. В моральном и психологическом плане они были антиподами. Милюков как политик фехтовал с Керенским играючи, снисходительно, словно мастер с пылким новичком, но всегда был настороже, чувствуя, что этот необученный мальчишка способен отбросить в сторону неуклюжую рапиру и выхватить из кармана гранату. Иногда Керенский пытался обращаться с Милюковым свысока как с либеральным фразером, но в глубине души

признавал за ним непонятную силу, которая вызывала уважение и заставляла «трубить отбой».

Милюков, отточивший свои дипломатические таланты в коридорах Думы и партийных конфликтах, считал, что пора перенести их из микрокосма парламентской политики в макрокосм политики международной. Он считал, что достойным завершением его долгой политической карьеры должно стать кресло министра иностранных дел, создателя внешней политики новой России. Он настойчиво работал, готовясь к этой роли. Керенский же чувствовал, что ему суждено стать «солистом» революции, «некоронованным королем», властителем дум и сердец россиян, жаждавших обновления, человеком, которого без всяких усилий с его стороны волна вынесет наверх, и народ скажет: «Веди нас! Указывай нам путь!» Что же касается его конкретной роли в строительстве новой жизни, то Керенский, будучи по натуре дилетантом, предоставлял это вдохновению и откладывал до последней минуты.

Третьим видным членом Временного правительства был князь Георгий Львов. Он идет третьим по списку, но должен быть первым, как глава правительства. Его кандидатуру поддержал Милюков в пику другому кандидату, Родзянко, так как считал, что при Львове ему будет легче стать реальным лидером. В отличие от не слишком умного, упрямого и взбалмошного Родзянко, Львов был мягок, тактичен и вежлив. Он был умен, но не тщеславен. У него за плечами была долгая общественная жизнь. Он заслужил уважение своей неизменной верностью работе и народу. Не в пример Милюкову, он был менее погружен в партийные свары; в действительности Львов был бы идеальным главой умеренно прогрессивного кабинета в нормальные буржуазные времена при умном лидере типа Милюкова. В глубине души князь Львов был просвещенным консерватором. Они с Милюковым могли бы быть правым и левым профилем одного политического лица. Но Львову пришлось руководить правительством, когда жизнь в стране встала на дыбы. Он постоянно ощущал сильное психологическое давление Керенского, считая его кем-то вроде оракула, губы которого произносили неизвестное и крайне чуждое Львову слово «революция».

Князь Львов непостижимым образом сочетал новые веяния революции со славянофильством умеренного русского либерала, национализмом и великорусским мессианизмом. В его речи от 27 апреля 1917 г. говорится: «Гордая и спокойная поступь, которой движется вперед Великая русская революция, — это настоящее чудо... Свобода русской революции всемирна и универсальна. Душа русского народа демократична по своей природе. Она готова не только объединиться с мировой демократией, но и повести эту последнюю к великим идеалам свободы, равенства и братства». Этот туманный идеализм первого революционного премьера осложнял его отношения с Милюковым; строго реалистичный и педантично позитивистский ум последнего, прозаичность которого ничуть не уступала прозаичности экономического материализма социалистического лагеря, должен был быть шокирован такой смесью националистического мессианства с революционным интернационализмом. Князь Львов, в глубине души более консервативный, чем Милюков, был теперь левее его. Вскоре после раскола Временного правительства на два лагеря Львов с Керенским и примкнувшими к ним двумя новыми министрами, Терещенко и Некрасовым, оказались в группе, которая сняла Милюкова с поста министра иностранных дел несмотря на то, что Львов был обязан своим премьерством Милюкову больше, чем кому бы то ни было. Позже Милюков признавался, что допустил ошибку, предпочтя Львова Родзянко.

Крупный землевладелец и офицер-кавалергард, предводитель дворянства и придворный, паж, а затем камергер, тучный, с зычным голосом, Родзянко, как все крупные и громогласные люди, был колоритной фигурой — самоуверенной, властной и внушительной. Он обладал большим упрямством и патриархальной узостью взглядов. Витте в шутку говорил, что главным достоинством Родзянко как государственного деятеля был его великолепный бас. То, что правительство предпочло обойтись без него, позволило Родзянко утверждать, что он был *выше* этого правительства. После того как великий князь Михаил в своем манифесте (точнее, в подготовленном для него манифесте) указал, что власть в стране переходит к Временному правительству, составленному на основе Временного комитета Государ-

ственной думы, Родзянко поверил, что действительно является «основателем» этого правительства. Он считал, что роль Временного комитета не исчерпана созданием Временного правительства с согласия Совета рабочих и солдатских депутатов. Это правительство являлось всего лишь кабинетом министров, который можно было отправить в отставку; тогда власть перешла бы к его первоисточнику — Временному комитету и председателю последнего Родзянко. Согласно этой идее, члены Временного комитета действительно были кем-то вроде «верховных правителей». К несчастью для Родзянко, князь Львов, Керенский и другие тут же повернулись спиной к органу, создавшему их правительство; точнее, отставили его в сторону, как лестницу, которая когда-то была нужна, а теперь торчит на дороге. Увы, страна тоже повернулась к нему спиной. Тогда Родзянко начал лелеять мысль созвать Государственную думу, которая должна была служить временным парламентом новой России. Но Временное правительство созывать Думу не собиралось, а Дума, подчинившаяся решению царя о роспуске, не могла собраться против воли правительства. Затем Родзянко пришла в голову мысль созвать членов всех четырех Государственных дум, совершенно абсурдная с точки зрения законодательства, так как каждая новая Дума лишала власти предыдущую. Милюков олицетворял собой ум цензовой демократии, Родзянко — ее предрассудки, а Львов — ее безобидные мечты.

Первое Временное правительство просуществовало всего два месяца и не сумело оправдать ни одной из возлагавшихся на него надежд.

Конечно, у него имелось множество смягчающих обстоятельств. Стоявшие перед правительством проблемы были исключительно сложны. Условия военного времени усложняли их еще больше. Некоторые из них мешали понять предшествующие концепции русского цензового общества, узкие и классово ограниченные. Но даже в тех вопросах, в которых лидеры «прогрессивного блока» были компетентны, правительство проявляло таинственную способность к бесконечным проволочкам.

Прежде всего это была проблема местного самоуправления. Земства всегда были оплотом русского либерализма, его

начальной школой, основанием российского демократического порядка. Там никто не мог сослаться на недостаток подготовки. Кроме того, после первой Государственной думы партия кадетов приняла на вооружение метод, над которым многие в то время смеялись, но плоды которого оказались теперь как нельзя более кстати; она готовила многочисленные проекты законов, включая и закон о местном самоуправлении. Прогрессивные круги образованного общества разработали ряд тщательно продуманных проектов об уездной власти. Временное правительство могло позаимствовать готовый проект из того или иного источника и создать органы местной власти, без которых было обречено на беспомощность, постоянно принимая решения, но не имея средств к их выполнению. Революция создала в провинции междуцарствие. Старый бюрократический аппарат был либо уничтожен, либо парализован всеобщим бойкотом. Анархии можно было избежать одним из двух способов: либо способом Французской революции, которая тут же заменила монархическую централизацию еще более энергичной и беспощадной революционной централизацией, покрыв страну сетью революционных комиссариатов, облеченных диктаторской властью, либо создав новую структуру демократической власти, которая могла бы начаться снизу, путем создания готовых форм нового органичного и гармоничного порядка, основанных на выборах и широкой местной автономии. Увы, не было сделано ни того ни другого.

Для первого способа у цензового правительства не хватало решимости и уверенности в себе. Поскольку оно с самого начала считалось временным коллективным диктатором, у него не было силы воли и дерзости, которыми обладает настоящий диктатор. Еще менее оно было способно наделить диктаторской властью комиссаров, посланных в провинцию. Министр внутренних дел князь Львов приказал сместить всех губернаторов и предводителей дворянства, заменив их председателями губернских и уездных земств. Но любимцами старых земств почти всегда были сельские помещики, члены класса, меньше всего способного найти свое место в новой ситуации. Они представляли собой разнообразную смесь всех дореволюционных

земских тенденций, включая типичных «твердолобых». Выбранные для экономической и административной деятельности, даже лучшие из них редко были способны руководить местным населением в изменившихся условиях, поскольку сами плохо ориентировались в революционной законодательной системе. Во многих уездах председатели земских управ так боялись народа, что не относились к своему назначению всерьез. Другие, ошеломленные внезапно свалившейся на них властью, ездили в Петроград, ожидая получить от министерства внутренних дел всеобъемлющие инструкции. Им отвечали, что это «старая психология», что все вопросы «должно решать не центральное правительство, а народ» и что «комиссары Временного правительства посланы в губернии не для командования местными органами, а лишь для того, чтобы связать их с центральным правительством и облегчить процесс их организации». Таким образом, страна была покрыта не сетью агентов, иерархически подчинявшихся центральному правительству, а всего лишь сетью советников, инструкторов и информаторов.

Что же касается создания новых местных властей снизу, то Временное правительство с типичной для него доверчивостью пустило этот процесс на самотек. В некоторых случаях земства, городские думы и администрацию быстро дополняли представителями широких демократических слоев: иногда «совета́ми», иногда делегатами, избранными от профсоюзов, кооперативов, разных групп населения в самых неожиданных и произвольных пропорциях. В других местах старые земства, думы и администрация всего лишь наделялись правом наряду с другими центрами общественной активности выдвигать представителей в специальные «комитеты народной власти». В третьих все старые органы власти объявлялись «аннулированными». В результате картина складывалась чрезвычайно пестрая и беспорядочная. Сказывалось полное отсутствие разумных и логичных законодательных принципов. В некоторых местах одновременно существовали два органа, созданные разными способами; они спорили между собой за власть и даже арестовывали друг друга. Такие условия обычно способствуют личной диктатуре, осуществляемой каким-нибудь честолюбивым авантюристом. Повсюду расплодилось « комите-

ты народной власти», «общественные комитеты», «исполнительные комитеты» и другие органы с не менее пышными названиями, непонятно как организованные, с разным кругом полномочий, никому не подчинявшиеся и обладавшие неограниченной властью. Их взаимоотношения определялись только настойчивостью одних и уступчивостью других. Хаотическое множество органов власти превращалось в свою диалектическую противоположность — отсутствие какой бы то ни было власти вообще. На недоуменные вопросы князь Львов отвечал с помощью очень удобного и успокоительного довода: никакой программы создания местных органов власти не требуется, жизнь все разложит по полочкам, зародыши местной власти уже существуют и готовят народ к будущим реформам, нынешняя ситуация временна, недостатки «самозародившихся» органов несущественны и в конце концов будут преодолены. Тем временем разные столичные комиссии не торопясь подготовят идеальные законы для местного самоуправления. Однако Временное правительство забыло, что природа не терпит пустоты. Жизнь не могла ждать, пока созреют нужные законы; чем дольше существовали самозванные органы исполнительной и даже законодательной власти, тем труднее было их уничтожить и заменить настоящими.

Если бы Временное правительство немедленно опубликовало хотя бы некоторые из законов, подготовленных прогрессивными фракциями Государственной думы и направленных на реформирование всей системы самоуправления в целом и уездных земских управ в частности, то, какими бы эти законы ни были несовершенными (их было легко исправить позже), эта новая система могла бы стать спасением по сравнению с «междоусобицей», которое продолжалось во время функционирования цензового правительства. Неуверенность последнего привила народу пагубную привычку к тому, что после революции общественными делами занимались самые антидемократические организации сомнительного происхождения, правившие по непостоянным и произвольным правилам. Легкость, с которой большевики в конце 1917 г. уничтожили демократические земства и думы, не успевшие пустить корни, частично объясняется задержкой создания последних и долгим периодом, в тече-

ние которого организации типа Советов и революционных комитетов безо всяких помех выполняли функции власти; этот феномен революции встречался на каждом шагу.

В чем заключалась причина этой медлительности Временного правительства, оставившего себя без аппарата, который мог бы стать проводником и исполнителем идей центральной власти на местах? Только не в партийном эгоизме. Во многих отдаленных губерниях, особенно на первых порах, идеи революции не находили адекватного выражения. Лидеры земства и городской думы часто представляли практически весь образованный слой общества. Немедленное введение реального самоуправления в тесном контакте с электоратом обеспечило бы им неоспоримое преимущество на выборах и повысило бы их политический авторитет. Однако у цензового правительства, сбитого с толку событиями в столице, не было времени обдумать ситуацию, складывавшуюся в провинции. Народный энтузиазм, вызванный падением старого режима, был так велик, что его наследники буквально захлебывались от потока приветственных телеграмм, выражавших сочувствие, поддержку и безграничную надежду. Возможно, в тот момент у правительства не было особого вкуса к власти. Но под теплым душем народных оваций оно быстро забыло свои прежние сомнения, стоит ли брать бразды правления. В конце концов, революционная толпа оказалась не так уж страшна. Она была очень доверчива, наивна и не скупилась на аплодисменты. Правда, ее вожди были совсем не так доверчивы, но нежелание брать на себя ответственность делало их сообщниками. Казалось, всеобщее ликование укрепляло позиции правительства. Если так, то почему бы не продлить это временное состояние еще немного?

В пассивно-идиллическом состоянии пребывал не только добродушный Львов. Эмоциональность первых речей неутомимого Керенского, отведавшего вкуса власти, объяснялась контрастом между старым правительством, опоясанным концентрическими кругами солдат, полицейских, жандармов и тайных агентов, и новым правительством, которое с помощью слов добилось большего, чем старое со всем своим репрессивным аппаратом. Медовый месяц нового правительства был периодом странного «правительственного толстовства».

Отдавая дань прошлому, Временное правительство еще до своего внутреннего кризиса и реорганизации в обращении к стране заявило, что «основой власти правительства являются не сила и принуждение, а добровольное подчинение свободных граждан правительству, которое они сами создали. Оно ищет поддержки не физической, а моральной. Ни одна капля народной крови не пролилась по его вине, не было создано никаких насильственных мер по ограничению любого течения общественной мысли». Это было верно, потому что медовый месяц революции, время всеобщего ликования и празднования, еще не кончился. Но без «мер по ограничению» не может существовать ни одно правительство, тем более революционное. Эта теория была самой вредной из утопий, скрывшей от общественного мнения важнейшую из проблем — проблему власти во время революции. Как могли политики цензовой России, гордившиеся своим «политическим реализмом», подписать такой документ?

Наконец, у правительства было множество неотложных и совершенно понятных дел, которые сопровождались новыми взрывами народного ликования. Например, отмена смертной казни, которая в другое время вызвала бы отчаянное сопротивление правого крыла общества, была встречена со всеобщим энтузиазмом. Левые приветствовали это решение из чисто гуманных соображений, как проявление великодушия победившей революции. Остаткам воинствующих правых эта отмена позволяла выступать в защиту прежней власти. Временное правительство отменило религиозные и национальные ограничения, ущемлявшие гражданские права десятков миллионов человек. Политическая амнистия открыла двери бесчисленных обычных и каторжных тюрем и вернула родным и друзьям сотни тысяч человек, в административном порядке высланных на ледяной север, в выжженные солнцем пустыни Средней Азии и в безбрежную сибирскую тундру. Правительство запретило самые варварские меры, использовавшиеся по отношению к населению вражеских территорий, оккупированных русскими войсками (институт заложников и т. п.).

Слабость первого Временного правительства заключается в его полной неспособности понять собственную роль в борьбе

общественных интересов. Цензовое Временное правительство очень удивилось, узнав, что в рабочих районах его считают «буржуазным». Милюков, наиболее опытный из его политических вождей, даже в 1921 г. заявлял: «Самое изощренное воображение не могло бы представить себе, что Временное правительство будут считать органом, защищающим интересы «буржуазии» и препятствующим демократическим реформам»¹. Его представления о классовой позиции буржуазии были слишком упрощенными. Когда большевики несли на своей демонстрации плакаты со столь же упрощенным лозунгом «Долой десять министров-капиталистов!», члены Временного правительства обменивались недоуменными взглядами: среди них были профессор, писатель, земский врач, адвокат, инженер, фермер и только один капиталист, Терещенко, включенный в правительство специально, чтобы оттенить его «небуржуазный» характер, как единственное исключение, которое подтверждает правило. Какие же они капиталисты, какие «буржуазные» политики? Совсем наоборот. Они просто «мозг народа». Цели и обязанности их правительства, настаивал Милюков, «были надпартийными и общими для всех партий».

Но что делает партию буржуазной, если не стремление сохранить существующий откровенно буржуазный режим и отрицание всех мер по его радикальному изменению? «Действовать по-другому было нельзя, — доказывает Милюков, — потому что все текущие меры были чисто формальными и подготовительными. Они просто готовили условия для свободного выражения воли людей на Учредительном собрании, без предварительного определения того, как последнее должно реагировать на текущие проблемы строительства государства, политические, национальные и экономические вопросы». Этот довод типичен для Милюкова. Его аргументы были бы приемлемы, если бы созыв Учредительного собрания можно было ожидать через два-три месяца. Но даже в то время он чувствовал, что выборы в государстве, находящемся в состоянии войны, удастся провести не раньше поздней осени. Милюков считал, что в стране, которая уже почти век жила в условиях нараставшего общественного брожения, резкие шаги

недопустимы, а потому следует руководствоваться чисто формальными демократическими принципами, не демократией в действии, а только обещанием демократии, избавленным от всякого социального содержания.

Но жителям рабочих районов требовалось срочно решить два насущных вопроса; отказ сделать это означал для них продолжение существования в нечеловеческих условиях. Во-первых, рабочий день пролетариев обязан был составлять стандартные восемь часов, после которых рабочий получал признанное право на повышенную компенсацию. Во-вторых, реальная заработная плата не должна была ежедневно, автоматически и беспощадно сокращаться за счет инфляции.

Пока петроградский пролетариат добивался восьмичасового рабочего дня путем прямых переговоров ассоциации работодателей с Советом, первое Временное правительство предпочитало пассивно наблюдать за этим со стороны. Его отказ «решать вещи заранее» заставил Совет защищать законные и элементарные интересы рабочих. Вынужденное увеличить темпы инфляции, это правительство не ударило палец о палец, чтобы снизить влияние последней на заработную плату. И после этого оно хотело, чтобы рабочая демократия ему доверяла!

Правительство пыталось применить ту же тактику «не принимать предварительных решений» и в аграрном вопросе. Новый министр земледелия, умеренный кадет Шингарев дебютировал речью, в которой назвал «абсолютно ни на чем не основанными» ходившие в народе «слухи о скорой полномасштабной земельной реформе, включающей конфискацию частных земель». Чтобы эти слухи не привели к «уменьшению посевных площадей», он «гарантировал производителям государственную закупку их нового урожая»². 9 марта после сообщения о беспорядках в селах Казанской губернии правительство решило принять репрессивные меры и привлечь их участников к ответственности. Его «толстовство» сразу затрещало по всем швам.

В то время даже совет Московского сельскохозяйственно-го общества понимал, что откладывать аграрную реформу невозможно. Полвека назад новость о том, что правительство

собирается рассмотреть вопрос об отмене крепостного права, тут же заставила крестьян прекратить беспорядки. Чтобы успокоить деревню, Временное правительство было вынуждено сообщить, что «оно немедленно примет решение по земельному вопросу в пользу трудящегося крестьянства, так как эта экономическая форма лучше всего соответствует экономическим условиям страны». Однако оно так и не смогло прийти к согласию. 17 марта правительство обратилось к народу с воззванием воздержаться от захвата земли, указало на чрезвычайную сложность вопроса, требующую долгой подготовки к его решению, и пообещало закончить работу до созыва Учредительного собрания. Но оно не желало «заранее решать», каким именно будет содержание закона о земле.

28 марта было созвано специальное совещание, посвященное проблеме создания согласительных комиссий, которые разбирали бы спорные ситуации при решении земельного вопроса.

Великий русский статистик, экономист и публицист Пешехонов, принадлежавший к крайне правому крылу социалистического лагеря, в то время писал:

«Никаких комиссий не нужно. Нам нужно быстро и энергично принять решение и выполнить его. Расширение и замену старых норм и связей нельзя откладывать до Учредительного собрания, а тем более до создания новых законодательных органов. Учредительное собрание и новые законодательные органы должны будут просто придать форму и дать санкцию на то, что будет завершено уже в ходе революционной перестройки: откладывать это далее невозможно. Весь вопрос в том, как пройдет данный процесс: анархически или организованно».

Пешехонов напомнил об общем требовании прогрессивных партий, выдвинутом еще в 1905 г., — создать сеть демократически выбранных земельных комитетов для подготовки реформ — и перечислил несколько жизненно важных проблем, требующих немедленного решения. Среди них были вопросы о посевных площадях, использовании пастбищ, регулировании арендной платы за землю и о лесозаготовках. «Если эти вопросы не решить немедленно, результатом будет анархия и совсем не тот порядок, к которому стремились все

демократические партии. Но его все равно придется принять. Учредительное собрание не сможет пересилить революцию»³. Он указал, что Временное правительство до сих пор было бессильно в борьбе с анархией. Неужели ему придется посылать против крестьян карательные отряды?

Непрямым откликом на это стал приказ, переданный 8 апреля по телеграфу князем Львовым губернским комиссарам об их персональной ответственности за подавление крестьянских волнений всеми законными способами, включая использование воинских частей. «Толстовство» правительства и обещание воздерживаться от «применения силы и принуждения» бесследно испарились, как только дело коснулось земельных привилегий помещного дворянства.

Но решительный призыв Пешехонова, известного постепенновца, еще двенадцать лет назад вышедшего из партии социалистов-революционеров и после этого часто критиковавшего эсеров за социальный радикализм, все же был услышан. 21 апреля, примерно через месяц после статьи Пешехонова, был принят и опубликован подготовленный с его помощью важный закон о создании Главного и местных земельных комитетов. У этих органов были две функции: подготовка земельной реформы для Учредительного собрания и разработка неотложных мер, которые следовало принять до решения земельного вопроса в целом.

Главный земельный комитет состоял из двадцати пяти членов, назначенных Временным правительством; к ним добавлялись выбранные представители губернских земельных комитетов и всех общественных органов от Совета до Временного комитета Думы, представители научных и экономических обществ, кооперативных организаций, а также представители всех политических партий от большевиков до «независимых правых» или монархистов. Временное правительство воспользовалось своим правом назначения и направило в Главный земельный комитет 22 кадета, 2 эсеров и 1 трудовика.

Губернские земельные комитеты были созданы далеко не по демократическому принципу: к членам уездных земельных комитетов и представителям, избранным от земств и городских дум, добавились главным образом местные судьи и чинов-

ники. Уездные земельные комитеты были организованы по тому же принципу. Крестьяне в эти органы не входили. Сельские земельные комитеты, избранные непосредственно крестьянами, были редкостью и находились в подчинении уездных комитетов.

Видимо, Временное правительство предполагало, что комитеты будут первичными органами сбора местной сельскохозяйственной статистики, которая должна была стать основой планов и предложений, относящихся к будущему землеустройству. Главным делом, возложенным на них из-за отсрочки созыва Учредительного собрания и возникновения множества спорных вопросов, было «издание обязательных для исполнения декретов по вопросам сельского хозяйства и земельных отношений», однако полномочия этих комитетов были ограничены сакраментальной формулой: «в соответствии с действующим законодательством и декретами Временного правительства». Поскольку никаких декретов правительство издавать не собиралось из-за боязни повлиять на общественное мнение перед началом Учредительного собрания, это означало, что земельные комитеты прикованы к существующему законодательству (то есть царскому земельному кодексу), как рабы к галерам.

Однако Временное правительство было очень довольно плодом собственного ума. В специально выпущенной листовке оно разъясняло, что теперь сельское население может спокойно дожидаться Учредительного собрания.

В этом решении законсервировать существующие земельные отношения до созыва Учредительного собрания нет ничего удивительного. Правительство заявляло: «Пусть наши доблестные воины, защитники родной земли, будут спокойны. Пусть они знают, что в их отсутствие и без их участия никто не станет решать земельный вопрос». Но «человек с ружьем» мечтал совсем о другом. Пресса, включая официальную «Народную газету Временного правительства», не однажды приводила факты вроде заявления, сделанного на Крестьянском съезде представителем Одиннадцатой армии: «Если правительство немедленно опубликует декрет о безвозмездной передаче всей земли крестьянам, наступление будет успешным и энтузиазм армии возрастет на 50%»⁴.

На различных крестьянских съездах то же мнение выражалось куда более резко. Например, на втором губернском съезде в Самаре в конце мая сложилась странная картина. Красноречивое выступление народного социалиста Игоева, пытавшегося объяснить отказ правительства решать земельный вопрос до Учредительного собрания, вызвало результат обратный ожидаемому. Лица крестьян стали суровыми, брови нахмурились, в зале начался ропот, слышались восклицания: «Как, снова ждать? Эй вы, тупицы, сколько вы будете морочить нам голову?» Общее чувство выразил солдат Лукьянов: «Мы, крестьяне из солдат, достаточно натерпелись в Лодзи и на Стоходе. Вы понимаете наше нетерпение получить землю. Рабочие получили свой восьмичасовой день сразу, и крестьяне тоже ждать не намерены». «Провожая наших мужиков, уходивших на войну, — сказал крестьянин Егоров, — мы говорили им: во-первых, защитите нашу землю; во-вторых, завоюйте ее для крестьян. Они сделали это, вся революция была сделана для этого. Солдаты, четырежды обманутые обещанием земли, начинают бояться, что так ее и не дождутся». Представитель Союза военных депутатов заявил: «Мы не бросим оружие даже после войны, не бросим до тех пор, пока на знамени страны не появится лозунг «Земля и воля». Во время Учредительного собрания мы будем держать винтовки на изготовку, но помните, что следующей командой будет «пли»⁵.

Солдат не волновался бы, если бы земельный вопрос решился в его отсутствие в пользу крестьянства. Он прекрасно понимал, что при разделе земли государственные органы не забыли бы о нем, если бы были народными по своему характеру. Но отсрочка решения земельного вопроса сверху создавала опасность попыток его решения снизу путем стихийного захвата помещичьих земель и собственности. Тогда восторжествовал бы принцип «кто смел, тот и съел». Результатом стало бы бегство солдат с фронта, чтобы не опоздать на «черный передел». Такой исход могло бы предупредить только успокоение крестьян в деревне и на фронте с помощью правительственных мер, доказывающих, что на этот раз передача земель крестьянам будет проведена со всей серьезностью. Слишком

долгая задержка сбивала людей с толку и пробуждала старое недоверие. «Рабочие получили восьмичасовой рабочий день безо всякого Учредительного собрания, потому что знали, как нажать на хозяев; давайте-ка мы сами нажмем на помещиков». И нажим начался, причем серьезный. Ему способствовала бездеятельность правительства.

Кроме того, существовал третий жизненно важный вопрос: национальный.

Что касается поляков, то правительство понимало значение этой проблемы. Оно издало специальный манифест о создании полностью независимой этнографической Польши, в состав которой войдут три части: русская, австрийская и немецкая. Однако оно втискивало эту прекрасную идею в сомнительные рамки панславизма. Польша должна была заключить союз с Россией и присоединиться к общему «плану борьбы против воинствующего германизма». «Вступление в добровольный военный союз с Россией позволит Польскому государству стать прочным щитом против давления, которое Германия и Австро-Венгрия оказывают на славян». Политическую структуру Польши должно было определить «Учредительное собрание, созванное в польской столице». Одновременно русское Учредительное собрание должно было определить западные границы России, необходимые для создания независимого Польского государства.

Это казалось большим достижением на пути к русскому либерализму. Ранее только одна партия, партия эсеров, отказалась от принципа *объединенного* всероссийского Учредительного собрания и говорила об «Учредительных собраниях» во множественном числе. Из этого принципа вытекало требование проведения Учредительного съезда финского сейма, а также установления новых отношений путем добровольного соглашения российского и финского Учредительных собраний.

Однако Временное правительство по этому пути не пошло. Оно долго и упрямо торговалось с финнами, отменило все царские указы, принятые в нарушение финской конституции, пообещало «развить конституцию Финляндии и утвердить на сейме расширение ее бюджетных прав, включая право вводить собственные таможенные пошлины». Еще более непри-

миримую позицию оно занимало по отношению к литовцам, требовавшим административной автономии, и украинцам, которые настаивали главным образом на украинизации школ, судов и административного делопроизводства, а также на назначении специального комиссара по украинским делам во Временном правительстве.

Милюков, по инициативе которого Польше пообещали полную независимость, объяснял, что требования поляков и финнов более неопровержимы, чем требования других национальностей; кроме того, их военное положение было совершенно разным. В случае сухопутных операций Германии Финляндия обеспечивала прямой выход на Петроград. Польша же была полностью оккупирована немецкими войсками; манифест Временного правительства укрепил надежды поляков и усилил их сопротивление немецким и австрийским попыткам создать польскую армию в полмиллиона штыков и привязать Польшу к новому союзу Германии и Австро-Венгрии. Распространение аналогичных прав на другие национальности России, не диктующееся столь же неотложными причинами, предопределило бы будущее устройство страны, а потому должно было быть отложено до Учредительного собрания⁶.

Милюков упорно стоял на своем. Его позиция была пустой, беспринципной, оппортунистической и потенциально опасной. Она подрывала веру в искренность его признания независимости Польши и показывала, что согласие на эту независимость является результатом военного и политического соперничества с Германией и Австро-Венгрией. Она не содержала никаких новых принципов, с помощью которых революция могла решить национальную проблему в целом, принципов, которые могли означать только *федерализм*, превращение России в Соединенные Штаты Восточной Европы, Сибири и Туркестана. Вместо того чтобы дать надежду угнетенным народам России, вместо того чтобы медленно, но верно начать «освобождать центральное правительство от тяжести внутренних дел» во всех национальных и культурных областях, Временное правительство снова спряталось за спину Учредительного собрания, руководствуясь все тем же принципом «ничего не определять заранее». Оно забыло, что останавливаться на полпути в то вре-

мя, когда у малых народов происходит резкий рост национального самосознания, означает подталкивать их к *сепаратизму*. Похоже, угроза присоединения к врагу становилась лучшим оружием в борьбе за национальные права.

Таким образом, в рабочем, крестьянском и национальном вопросах цензовое правительство продемонстрировало свою полную беспомощность. Оно не только не решило ни одного из них, но еще сильнее затянуло gordiev узел, завязанный старым режимом. И финальным аккордом стала его неспособность решить совершенно другую, но не менее насущную проблему: проблему войны, мира и внешней политики в целом.

Глава 11

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЕГО ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В своих «Днях» Шульгин рассказывает, как во время уличных беспорядков февраля 1917 г. Керенский влетел в комнату Временного комитета Государственной думы, поставил на стол портфель, воскликнул: «Спрячьте их! Это тайные договоры с нашими союзниками!» — и убежал. В общей сутолоке места, где можно было бы спрятать секретные документы государственной важности, не нашлось; портфель сунули под стол, накрытый длинной скатертью.

Картина складывается весьма символичная.

Беспокойное наследство старой царской дипломатии, свалившееся на новую Россию, второпях сунули под стол. Эти тайные договоры были заключены с одними союзниками без ведома других. Одни и те же территориальные приобретения были обещаны разным странам одновременно. Позже в Версале победившие союзники потратили уйму времени на то, чтобы разобраться в этой путанице.

Новая Россия не знала, что делать с таким дипломатическим наследством. Эти договоры отягощали бремя Временного правительства и смущали его демократическую совесть.

Большевики выдвинули кардинально революционное требование: немедленно опубликовать эти документы, чтобы на-

- ¹ *Миллюков*. История второй русской революции. Т. 1. Ч. 1. С. 73.
- ² Земельный вопрос в деятельности Временного правительства // Записки Института изучения России. Т. 2. С. 346.
- ³ *Пешехонов А.В.* О предотвращении анархии в сфере земельных отношений // Дело народа. 1917. 23 марта.
- ⁴ Сельский вестник. 1917. 3 марта.
- ⁵ Наш голос (газета Самарской организации Российской социал-демократической рабочей партии). 1917. 2 июня.
- ⁶ *Миллюков*. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 65.